

чение деривата. Супплетивизм форм обеспечивает в определенной степени возможности выбора соответствующей словообразовательной основы: *sei-*, *gewes-*, *ist-*.

3. Способ словообразования, в котором участвуют разнообразные формы, но не используется словообразовательная морфема, не случаен. С одной стороны, он препятствует дополнительной семантизации деривата посредством словообразовательного аффикса, с другой – обеспечивает максимальное сохранение в деривате грамматической формы и грамматического значения, присущих глагольной форме.

4. Сохранение в дериватах в значительной степени грамматической составляющей определяет их лексические особенности, главную из которых можно охарактеризовать как «лексическая ненаполненность», позволяющая выражать понятия высокой степени обобщения. Это делает возможным их широкое использование в философском контексте.

5. В ряду дериватов особое место занимает существительное *Sein*. Необходимость его вызвана, прежде всего, потребностями научного, теоретического познания, в первую очередь, философского онтологического осмысления мира. Несмотря на определенную эволюцию этого понятия в ходе развития философской мысли, оно остается наиболее общим, способным по мере необходимости наполняться новым содержанием при новом осмыслении бытия и сущего.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М. : Наука, 1976.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Едиториал УРСС, 2002.
3. Бердяев Н. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж : YMCA-Press, 1939.
4. Бернацкая А.А. О статусе глагола *sein* (*быть*) в языке // Лингвистические основы обучения организации единиц синтаксического уровня. Ижевск : Изд-во УдГУ, 1983. С. 8 – 20.
5. Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
6. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М. : Высш. шк., 1965.
7. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. М. : Наука, 1989. С. 295 – 297.
8. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М. : Яз. слав. культуры, 2004.

9. Grass G. Beim Häuten der Zwiebel. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008.

10. Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie : in 3 Bd. Leipzig : Verlag Philipp Reclam jun., 1971. Bd. 3.

11. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1967.

Transpositional potentialities of the German verb “sein”

There is regarded the status of the German verb sein. There are researched the peculiarities of its transposition, as well as functioning of the derivatives in the philosophic context.

Key words: *transposition, sein, to be, das Sein, existence.*

М.Е. СОКОЛОВА
(Волгоград)

НЕМЕЦКИЕ МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Предлагается принципиально новое рассмотрение проблематики немецких модальных частиц с позиций теории дейксиса. Обосновываются лингвистический статус и прагматическая специфика модальных частиц. Объясняется роль частиц как средства оптимизации речевой коммуникации.

Ключевые слова: *модальные частицы, прагматика, дейксис, коммуникация, presupposition, эллипсис.*

Положение о том, что модальные частицы (в дальнейшем – МЧ) представляют собой уникальный класс функциональных слов, значение которых проявляется в прагматическом ракурсе, не является больше на сегодняшний день полемичным. Причиной для рассмотрения модальных частиц в прагматическом контексте явился, прежде всего, кардинальный поворот в языкознании, сфокусировавший исследовательский интерес на изучении языка в действии, его функций в коммуникации. На базе новой парадигмы знаний языковые сущности стали изучаться по их роли для чело-

века, в отличие от «нечеловеческой» лингвистики с ее доминирующим вниманием к изолированным языковым формам [7, с. 156]. В результате этого прекратилось незаслуженное игнорирование проблем МЧ, заключающихся в их морфологической невыразительности, семантической непрозрачности и синтаксической неоднородности; они приобрели весьма весомый статус единиц, «максимально ответственных за удачу общения», способствующих успешности коммуникативного процесса [6, с. 14]. Таким образом, «недостатки» МЧ стали отправной точкой для установления и изучения их «достоинств».

Полемичным остается лишь вопрос выбора исследователями термина для обозначения данного класса языковых единиц. Использование нами наиболее популярного и устоявшегося термина «модальные частицы», явно не отражающего их сложную специфику и служащего лишь их субхарактеристикой, есть не определенный ракурс исследования, а лишь дань многолетней терминологической традиции (по крайней мере, в отечественном языкознании). Не разделяя глубинной установки многих авторов по поводу самовыражения МЧ в сфере реализации категории модальности и исходя в решении поставленной проблемы из других теоретических предпосылок, мы в настоящей статье не предпринимаем попытки создать кардинально новый термин во избежание терминологического разнобоя.

Необходимо заметить, что как малочисленный класс слов в немецком языке МЧ имеют высокую частотность актуализации в устной речи, особенно в ее диалогической разновидности, и несут на себе значительную коммуникативную нагрузку. Уточним, что речь идет о несомненной значимости МЧ для интерактивного общения носителей языка. Каждое появление МЧ в тексте требует приложения определенных интеллектуальных усилий со стороны иноязычного реципиента, задача которого состоит не только в том, чтобы понять, о чем говорит собеседник, т.е. уяснить пропозициональное содержание его реплики, но и то, для чего он это говорит, а значит – разгадать его коммуникативный замысел.

Проблема неупотребления МЧ носителями языка вообще (либо неправильное их употребление) является не следствием пренебрежения к определенным пластам языковой материи чужого языка, а признаком отсутствия языковой и коммуникативной компетенций. Свидетельством тому служит так называемый «Holzdeutsch» – «деревянный

немецкий» коммуникантов-иностранцев [6, с. 13], лишенный не только естественной выразительности, но и многих прагматических нюансов, от которых зависит успешность коммуникации. В самом деле, вкрапления в виде МЧ в речи, воспринимаемые всеми членами одного языкового коллектива как совершенно необходимые, семантически значимые и прагматически емкие, а следовательно, и легко воспроизводимые ими языковые единицы, могут на начальном этапе вызывать недоумение иноязычных коммуникантов по поводу необходимости таких «таинственных намеков». Вышесказанное может привести не только к частичному неулавливанию отдельных компонентов смысла, но и к неадекватной интерпретации сообщения и, как крайний случай, к развитию комплекса коммуникативной неполноценности у иноязычного слушателя (партнера по коммуникации).

Между тем без такого рода «намеков» не обходится ни одна устная коммуникация в специфических временных условиях, где одним из главных прагматических факторов является цейтнот. Именно цейтнот как внешний фактор вынуждает говорящих прибегать к кодированию своих вербальных сообщений посредством различного рода знаков-символов, одними из которых и являются МЧ. Внутренним законом для реализации в речи свернутых структур является стремление к преодолению асимметрии языкового знака [4, с. 89], когда ограниченное количество языковых знаков используется для отображения всего многообразия внеязыковой реальности.

Основанием к отнесению МЧ к специфическим сигналам послужило учение К. Бюлера, обосновавшего выделение в языке особого указательного поля, называемого дейктическим [1]. Спецификой дейктических элементов, к которым традиционно относят интонацию, признаки лица, глагольное наклонение и др., является их способность манифестировать тот контекст, в котором воспроизводится высказывание, определяя тем самым релевантные для слушателя аспекты контекста и способствуя оптимальному усвоению информации [5, с. 89]. Важно заметить, что, в отличие от вышеназванных дейктиков, МЧ отсылают не к определенным компонентам вербального контекста (персональным, временным, локальным, эмотивным и др.), а к его прецеденту, т.е. к прагматическим пресуппозициям.

В противовес сложившемуся в настоящее время мнению, согласно которому спецификой МЧ является *выражение* прагматических

пресуппозиций [8; 9], мы считаем, что данной способностью МЧ обладать не могут, т.к. не имеют номинативного компонента в объеме своего значения. Не становясь от этого «ущербными», МЧ компенсируют нехватку денотативной семантики своими дейктическими потенциями, т.е. могут *указывать* на пресуппозиции, фокусируя тем самым внимание собеседника на конкретных, релевантных для данной ситуации имплицитных элементах смысла. Кодирова определенный сегмент информации модальной частицей, говорящий предполагает ее расшифровку и адекватное восприятие слушающим. Данный вывод опирается на свойство избирательности коммуникативных актов, когда из бесчисленного множества характеристик реальной ситуации говорящий каждый раз отбирает что-то одно, на что направляет внимание собеседника.

Следует подчеркнуть, что данный процесс кодирования/дешифровки информации посредством МЧ не ведет к искажению картины мира и не служит помехой в речевой коммуникации. Напротив, данное обстоятельство предопределяет высокую степень эллиптичности диалогического дискурса, что, в свою очередь, обусловлено общей тенденцией к языковой экономии, т.е. стремлением человеческого организма компенсировать чрезмерные затраты физиологических усилий при речепроизводстве. Именно благодаря эллиптичности устная речь является живой и динамичной, в отличие от письменного языка с его локально-темпоральной дистанцированностью в отношениях между автором и читателем, ведущей порой к глобальной вербализации всех прагматических элементов высказываний. Поэтому основной задачей МЧ в диалогической интеракции является мгновенная «реанимация» посредством дейкиса наиболее важных для собеседника смысловых нюансов предыстории описываемого события и программирования ответной реплики реципиента.

Следующей особенностью прагматического потенциала МЧ является их способность не просто *указывать* на необходимость учитывать прагматические пресуппозиции в актуальной речевой ситуации, но и производить их *сопоставление* в виде фиксированного указания на их *совпадение/несовпадение*. Данный вывод опирается на принцип целенаправленности речевой деятельности, главная цель которой – достижение консенсуса между коммуникативными партнерами, что, в свою очередь, возможно только при соблюдении определенных правил.

Традиционно выделяемые немецкие МЧ *ja, doch, aber, bloß, schon, mal, vielleicht* и др. распадаются, согласно данной концепции, на два логико-семантических класса, где маркерами совпадения являются МЧ *ja, auch, eben/halt, schon, mal, wohl*, а несовпадение маркируют частицы *doch, denn, bloß/nur, aber, etwa, vielleicht, eigentlich, einfach*. При одинаковой семантической доминанте (указание на совпадение/несовпадение) каждая МЧ имеет собственную прагматическую специфику – указание на полное/частичное/гипотетическое/вынужденное/резюмирующее/скрытое и т.п. совпадение либо несовпадение.

Стратегия говорящего, использующего МЧ, состоит в уяснении всех сильных и слабых сторон реальной ситуации и сравнении ее с праситуацией (пресуппозициями), представляющей собой важный ресурс восполнения недостающего вербального выражения. Данное сопоставление не является самоцелью говорящего, а направлено на программирование дальнейшего коммуникативного поведения собеседника. Актуализация каждой конкретной МЧ – это сигнал для слушающего о необходимости переключения фокуса внимания на указанные имплицитные аспекты ситуации. Стратегия слушающего – распознать полученные сигналы, адекватно оценить и учесть их семантико-прагматическую значимость в ответном сообщении. В этой связи МЧ выступают своеобразным катализатором процесса сопоставления и с полным правом могут быть причислены к маркерам *пресуппозиционального дейкиса*. Другими словами, общая функция корректирования семантического пространства высказывания делает данные коммуникативно-ориентированные словарные единицы совершенно незаменимыми элементами речевых отрезков.

Таким образом, МЧ, основываясь на способности языка к кодированию и декодированию глубинных пластов информации, программируют коммуникацию, включая стратегическое поведение коммуникативных партнеров (ориентация на продолжение или срыв коммуникации) и использование тактических приемов коммуникации (стилистика речевой ситуации). Наглядно данное положение проявляется в том, как на практике воплощается результат сопоставления пресуппозиций в терминах «совпадение/несовпадение». Несмотря на заявленную нами установку использования МЧ преимущественно в устном диалогическом общении, примеры актуализации частиц как маркеров пресуппозиционального дейкиса

са приводятся в двух видах человеческой коммуникации – естественном и художественном диалогах. Это объясняется тем, что, несмотря на определенные различия, касающиеся прежде всего известной субъективной предопределенности появления МЧ в тексте реплик художественного диалога [3, с. 33], оба вида диалога обладают общим набором интегральных признаков, что делает их одинаково пригодными для прагмалингвистического анализа. Здесь имеется в виду, прежде всего, ситуативная направленность современной художественной драмы с преобладанием разговорного языка, равно как и структурная общность данных видов диалога, заключающаяся в ретроспективном характере реплицирования. Учитывая также, что точкой пересечения двух видов диалога служит единая языковая система, обуславливающая выбор писателем или реальным пользователем адекватных коммуникативной ситуации языковых средств, можно заключить, что основные каноны коммуникативного поведения человека в указанных видах диалогического общения одинаковы.

В примере 1 (художественный диалог) речь идет о желании сына заставить отца жениться во второй раз и отрицательной реакции на это последнего из-за того, что он уже «однажды обжегся».

1. Sohn: *Warum heiratest du nicht mehr?*

Vater: *Ich bin ja noch bei Verstand!* [10, с. 95].

В реплике с МЧ имеется в виду, что, кроме дословного ее содержания *Я еще в своем уме* (косвенного ответа на вопрос о причинах нежелания жениться), говорящим подразумевается указание на определенную предысторию данного положения вещей. МЧ *ja* отнюдь не претендует здесь на право экспликации конкретного факта действительности, предопределившего данный ответ слушающего, а также на его модальную характеристику. Необходимую стилистическую окраску этому высказыванию, порождающему мгновенно ассоциации неудовольствия, разочарования, досады и др., придает сам фразеологический оборот *bei Verstand sein*, означающий в данном ситуативном контексте, что в своем уме люди не женятся, и предполагающий, по всей видимости, неудачный предыдущий опыт автора реплики. МЧ указывает лишь на то, что пресуппозиции собеседников совпадают (с точки зрения говорящего). Поэтому данная частица реланимирует не саму праситуацию или ее детали, а, скорее, степень информированности собеседников по поводу первопричин такого положения дел.

В самом деле, высказывание без МЧ *Я еще в своем уме* означало бы всего лишь имплицитную ссылку на какие-либо с одинаковой долей вероятности известные или не известные слушающему, а потому требующие или не требующие разъяснения факты биографии автора сообщения, позволяющие ему негативно относиться к возможному второму браку (т.е. его пресуппозиции). То же высказывание, но с МЧ означает гораздо большее, т.к. содержит в себе логическое суждение, а именно: *ты же знаешь, я ведь еще в своем уме*, где частицей *ja* говорящий сигнализирует о результате мыслительной операции по сверке своих пресуппозиций и пресуппозиций слушающего в виде их *совпадения*, как бы обнаруживая общий с ним информационный континуум. При помощи данной МЧ субъект речи отсылает к релевантному в данной речевой ситуации аспекту контекста, а именно – к факту *известности* обоим коммуникантам экстралингвистической предыстории данного положения вещей.

Иначе говоря, общий анализ ситуации позволяет заключить, что на запрос информации адресантом (сыном) адресат (отец), уклоняющийся от прямого ответа, актуализирует в своей ответной реплике МЧ *ja*, сигнализирующую о совпадении пресуппозиций как показателе тождественности эпистемических состояний сознания (знаний, мнений, установок) коммуникантов, заменяя тем самым дальнейшее разъяснение своей позиции. Реализуя одновременно свою модально-оценочную программу, адресант регулирует таким образом логику развития диалога в русле определенной коммуникативной стратегии, выражающейся в его интенции – сообщить очевидное, убедив партнера по коммуникации в необходимости закончить расспросы ввиду исчерпанности ситуации (перлокутивный эффект).

В диалогах устного характера все установленные выше семантико-прагматические особенности МЧ получают широкую реализацию, причем в более полном объеме – в диалогических текстах неофициального характера, где абсолютное большинство (по имеющимся у нас материалам) принадлежит приватным телефонным разговорам, а также различного вида консультациям (врач – больной, учитель – ученик и т.п.). Рассмотрим примеры с МЧ *denn*:

2. S2: *...hat er denn keinen freund.*

S1: *seine freunde sind alle solche die im gefängnis jewesen sind* [11].

Пример 2 (консультация по телефону со специалистом-психологом по проблемам под-

ростков) – типичный случай реализации того функционального варианта МЧ *denn*, когда говорящий S2, формально спрашивая: «*У него что, нет друзей?*», указывает на несоответствие своей пресуппозиции («у него должны быть друзья») реальному положению вещей (друзей нет), наделяя свое высказывание иллокутивной силой утверждения («я утверждаю, что друзья должны быть») и одновременно негативно оценивая данный факт.

3. S3: ... *was fehlt ihnen denn.*

S2: ... *der halbe vorderzahn 8 schneidezahn* [11].

4. S1: ... *woher wissen sie denn daß das so war?*

S2: ... *hm gelesen im geschichtsbuch* [11].

Примеры 3 и 4 обнаруживают функциональное сходство в том, что репликой с МЧ говорящий желает удостовериться в соответствии своей пресуппозиции пресуппозициям собеседника в конкретной коммуникативной ситуации. Вопросы говорящего (стоматолога) в примере 3 (*Так что же Вас беспокоит?*) и профессора в примере 4 (*Ну и откуда же Вы это знаете?*) представляют собой директивные речевые акты, где авторы реплик, зная больше по обсуждаемому вопросу, чем их собеседники, имплицитно указывают на это частицей, сопровождая свое высказывание доброжелательностью, как бы приглашая к дальнейшему общению. Отсюда следует, что спецификой МЧ *denn* является маркирование косвенного указания на несовпадение пресуппозиций говорящих относительно актуальной речевой ситуации.

Интересно, что те же реплики (3 и 4), но без МЧ будут по-иному интерпретироваться слушающим, а именно как чистые вопросы – запросы информации: *Я спрашиваю, что у Вас болит?* (3) и *Я спрашиваю, где Вы об этом читали?* (4). В данном случае подразумевается, что авторы речевых высказываний не имеют понятия о предпосылках обсуждаемой проблемы (болеть могут не только зубы, а получить информацию можно где угодно), степени знакомства с ней собеседников и желают получить любой приемлемый ответ. Из этого следует, что МЧ вообще, и МЧ *denn* в частности, обладая способностью к модификации иллокутивного намерения говорящего, являются незаменимым стратегическим средством осуществления коммуникации, т.е. программирования собеседника на определенные речевые (и неречевые) действия, вплоть до реализации определенной стилистики общения.

Подводя итог сказанному, отметим, что феноменальность модальных частиц состоит

в том, что, будучи «фонологически крошечными» словами [2, с. 644], данные морфологически и синтаксически невыразительные языковые единицы реализуют свое дейктическое начало в прагматическом русле путем фокусирования внимания коммуникативного партнера на важнейших имплицитных смысловых участках передаваемой информации. Устраняя полипресуппозициональность высказывания, МЧ способствуют оптимизации коммуникативного процесса.

Литература

1. Бюлер К. Теория языка // М.: Прогресс, 2000.
2. Вежицка А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999.
3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Междунар. отношения, 1979.
4. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев А.Е. История языкознания XIX – XX вв. М., 1965. С. 85 – 90.
5. Кравченко М.К. Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность. Иркутск, 1992.
6. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985.
7. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. Общие вопросы. М.: Наука, 1992.
8. Dahl J. Die Abtönungspartikeln im Deutschen mit einem kontrastiven Teil: dt.- serbokroat // (Deutsch im Kontrast. Bd. 7). Heidelberg, Groos. 1988.
9. Helbig G. Lexikon Deutscher Partikeln. Leipzig: Enzyklopädie, 1990.

Источники

10. Spectaculum 13. Moderne Theaterstücke. Suhrkamp Verlag. Frankfurt am Main, 1970.
11. Deutsches Spracharchiv und Datenbank Gesprochenes Deutsch / Institut für Deutsche Sprache// Mannheim, 1999 – 2004. URL : <http://www.ids-mannheim.de>.

German modal particles as the means of speech communication optimization

There is suggested the essentially new consideration of the issues of the German modal particles from the position of the deictic theory. There is substantiated the linguistic status and pragmatic specificity of modal particles. There is explained the role of particles as the means of speech communication optimization.

Key words: *modal particles, pragmatics, deictic, communication, presupposition, ellipsis.*